

кругу. Она украшена горизонтальными или волнообразными линиями, а в очень редких случаях — полосами горизонтальных линий, среди которых проведены ряды вертикальных линий (Спиноаса).

Памятники типа Глинча I на территории РНР тесно связаны с аналогичными открытиями в области, расположенной между Днепром и Карпатами (Незвиско, Лопатна, Киев—Гора Киселевка, Лука-Райковецкая и др.)¹.

Из комплексов, сходных с молдавскими, происходят, по всей вероятности, и некоторые черепки, случайно найденные в Липкотянке (в Мунтении)².

Подобные памятники распространяются, по всей вероятности, и в других районах восточной Мунтении. Они являются связующим звеном с находками в Попине на северо-востоке Болгарии³. Аналогичные комплексы были вскрыты и в Закарпатской области СССР, и в Восточной Словакии по реке Хрон⁴.

Несомненно, на этом огромном пространстве существовало несколько вариантов, которые пока нельзя отличить друг от друга на данном этапе исследования. До сих пор удалось четко выделить вариант Сомотор—Ужгород в Закарпатье и в Восточной Словакии. Конечно, несколько вариантов имеется и в области между Днепром—Припятью, Карпатами и верхним течением Днестра и Днестра, которые будут уточнены в новых исследованиях. Мунтянские комплексы несомненно иначе развивались, чем молдавские.

Общие черты, свойственные славянским племенам, рассеянным на столь обширной территории, объясняются генетическими связями, а различия — дальнейшей самостоятельной эволюцией отдельных племен.

По мнению некоторых исследователей, памятники типа Глинча I зародились исключительно из более древних славянских комплексов типа Сучава-Шипот и Монтеору⁵. Появление ямочного орнамента на венчиках сосудов объясняется соприкосновением славян с местным населением, поскольку происхождение этого орнамента считается автохтонным⁶. Трудно подтвердить правильность последнего положения по

¹ В. К. ГОНЧАРОВ, *Райковецкое Городище*, Киев, 1950, стр. 10—13 и табл. I; его же, *Работи волинської експедиції 1948 р.*, «Археологічні Пам'ятки УССР», III, Киев, 1952, стр. 169—181; М. К. КАРГЕР, *Древний Киев*, Москва—Ленинград, 1958, стр. 96; П. РУСАНОВА, *Археологические памятники второй половины I тысячелетия н.э. на территории Древлян*, «Советская Археология», 1958, 4, стр. 33—46; Г. Б. ФЕДОРОВ, *Население Прутско-Днестровского междуречья*, МИА. СССР, 89, Москва, 1960, стр. 173—236.

² Сообщение ЭМИЛИИ ЗАХАРЯИ.

³ Ж. ВЪЖАРОВА, *Раннеславянска керамика из села Попина*, КСИМК, 63, 1956, р. 142—149; сё же, *Славянската керамика от с. Попина, Силистренско*, «Исследования в честь на акад. Д. Дечев», София, 1958, стр. 583—593.

⁴ К. В. БЕРНЯКОВИЧ, *Древнеславянские памятники закарпатской области (СССР)*, «Slovenska Archeologia», Nitra, 1957, стр. 435—445; J. PASTOR, *Staroslovánské zemnice v Somotre*, «Archeologické Rozhledy», IX, 1957, р. 827—832, 837, 841—843, а также материалы из разведок К. Андела в юго-восточной Словакии и около г. Košice.

⁵ ION NESTOR, *Slavii pe teritoriul R.P.R. in lumina documentelor arheologice*, SCIV, X, 1, 1959, р. 57.

⁶ Дан Теодору, *ук. соч.*